

У каждого свой рай

Воспоминания об оперном сезоне в столице

Культура. - 2000. - 24 - 30 авг. - с. 9

Сцена из спектакля "Дарская невеста".

Он был небогат — почти все театры обанкротились, а Музыкальный имени Стасовского и Невзговича Данилово вовсе отмоловился, на выступление давша заявленную "Дуны". Роты же прочие в ежесезонной пьеске распределились по привычной схеме. Амбициозный вельсичек, претендующий на первенство в компании, — это "Геликон". Дама с дурным характером, лидирующая по факту, — "Новая опера". Идеалист, по всем законам времени оклеветанный в обмане, — Камерный театр Покровского. А Простодушный, идущий куда глаза глядят, — Большой. Но он-то и пришел к самому любопытному (на пути к высокому) результату.

С двумя премьерами, которые театр, находящийся в состоянии перманентной реконструкции (или дум о ней), осмелил, здесь наконец нарисовался курс. Но курс сколь спонтанный, столь и сомнительный. "Псковитянка" явилась как материализация идефикса Евгения Сметанова. "Русалка" была предложением габитовских солистов. Воля руководства заключалась в малом — дать "добро" на постановку. "Добро" прозвучало. В первом случае, как представляется, потому что мечта maestro сопрягалась с провозглашенным, но отчаянно пробуксовывающим васьлевским принципом: "Большой — для больших звезд", во втором случае в пользу "Русалки" руководство театра мог склонить успех "Опричника", точнее — сущенная обществом идея вытеснить из небития произведения, нестрадательно забытое (пусть в отличие от оперы Чайковского опера Дарго-

мынского ставилась в Большом не раз — для нынешнего поколения она почти "хот в мешке"). Вместе с "Опричником" прошлого сезона давние премьеры и составили упомянутый курс — на национальный рейтинг.

Курс, появившийся в царстве случайностей, нет спору, — хороши. Плохо, что конкретно этот довершает превращение его, некогда первого из первых, в театр местного значения. С репертуаром, где сплошь князья да бояре, неведомые прочному миру, о международ-

ной карьере стоит забыть. Давно замечено: опера тем больше привлекает, чем лучше ее знают. Парадокс, на котором стоит соответствующий рынок. Читай: шлягер там самый ходовой товар. В Большом последний из таковых была концертная "Норма", а до нее — "Аида", "Богема", "Травиата". Все неконкурентоспособный товар в силу скромности вокальных, режиссерских, сценарно-технических сил, что и констатировала указавшая в границах вкуса первоклассных оперных блюд критика. Выход, по всемоущему в Большом интуитивно, — устранить причину огорчений. В результате второй сезон здесь обходится без мировых шлягеров, предлагается без мировых шлягеров, предлагается без мировой шлягеров, предлагается без мировой шлягеров (многие ли помнят старых "Псковитянку" с "Русалкой"? А сегодняшний меломан за пределами отечества иди дым с огнем не сыщешь). Нормальная защитная реакция того, кто слаб. По мне — в ней, а не в патристике габитовских "верхов" корень проступившего курса. Курса, кото-

рый стоил бы дорого, работой Большой в темпе пять — шесть премьер в сезон и имей репертуар, свидетельствующий о широте творческих интересов. Но в реальном контексте для театра первого положения это путь в местечковый тупик.

Прочие московские Оперы не двинулись ни вверх, ни вниз с занимаемых позиций. В Камерном театре Покровского по-прежнему неадекватно воспринимают свои музыкальные силы — чему свидетельство проваления на этой части "Шелкислав лествица" Россини (режиссер Михаил Колосов). И по-прежнему строят для замкнутых соотечественников царство света и нравственного здоровья. Но увлечь туда вряд ли кого-нибудь в силах, как не в силах увлечь в светлые будущие позуны "Мир, труд, май!". Нашего человека не парфосом берут — болыо. А это именно то, чего категорически избегает мотр, разумеется, и в своей последней "Сорочинской ярмарке".

"Геликон", ограничившийся тремя премьерами ("Падцы" испортого гилерца Балакина, "Макбет" оплосного французца Кривда и "Леди Макбет Мценского уезда" "кисти" самого Бертмана), тоже никакую оспризов не предпосит. Все то же проблемный музыкальный ряд, несмотря на приглашение за дирижерский пульт асов — Бражкина и Понкина. Все то же режиссерский кураж, не всегда подкрепленный мастерством. Новое здесь — разве что заведущая болезнь, постигшая адевшего лидера (ее симптомы: отлучение от театра вредных критиков, жалобы на них по инстан-

циям и совсем уж халатные приготовления из ингредиентов второй свежести "Леди Макбет"). Поправляйтесь, Дмитрий Александрович! "Новая опера", тоже из тех, кто "стабилил" — в успехе, и в неудачах. Но ее позиция — лерия-я строчка в сезонном рейтинге московских театров (рейтинг мой), а сверх того — живое напоминание о стародавнем споре, кто ж на оперном сате всех главнее, режиссер или дирижер. Главное, оказалось, масштаб личности. Портрет Колосова, о котором по этой части в столице не может двинуться никто, и стобразил сезон его "Новой оперы".

Почему он все ищет режиссерско-оперно-творческих в сопредельных с оперой пространствах? Надо полагать, не по примеру "старшего гилтерского брата", тень которого, нависшая надо всей страной (кто ж не перенимает его методы, кто ж не ментает о том же успехе?), над театром в саду "Зримиата" видна стечетливей всего. Скорее, Колосов ищет адекватную себе личность, но в оперном мире не находит. Последняя из его "находок" — балетмейстер Алер Сигалова поставила в "Новой опере" "Травиату", при всей своей спорности вышедшую на такой художественный уровень целого, какого в Москве не видели давно. Эта "Травиата" и обеспечила театру рейтинговый взлет. Но Сигалова лишь не испортила "типу" дирижера Колосова и сценариста Гейдербрехта. А от предположений, что было б, сложился альянс Колосова со стоборозитной ровней Сокурсовым, вообще захватывает дух. Но альянс и, следовательно, задуч-

манная ими в этом сезоне постановка "Гамлета" Тома не состоялась. Что, по всемоу, закономерность — унылая беспомощность по койбай мере одной из могучих доповаривающихся сторон ладить. С обратными-художниками. С вокалистами. С журналистами. Вообще с миром.

Не умея, подобно известному маринчику, завоевать его, он бурчит: не хочу замечать, буду творить для своих. "Высокий" блеф, результат которого — уход его артистов в Маринчику, в Большой, далее звезды. И в кормишке одной бегут и не от колосовского характера. А потому что ни один художник не любит замкнутых пространств (литераторы не в счет). Каждому нужен мир. Колосову тоже. Но он залочил собственный характер и делает тактики дружи.

Вокалисты ему "мстят", оставаясь самым слабым звеном в эполоте колосовской цепи. Не исключение стала и концертная "Сельская церковь", которую он вдруг, незапланированно, под самый конец сезона предъявил публике. Подвигла его на этот шаг Казарновская. Он ее ставка. А что заставило его пойти на альянс с ней? Ее воля, обаяние — не голос же? Тем не менее он сделал "Сельскую церковь", явив протекторатную пару: сугарман (с точки зрения творческой формы) и угасолающая звезда с голосом, уже лишившимся цвета, запаха, вкуса... И Колосов в который раз не смог взлететь так высоко, как мог и хотел. Залочник.

Лориса ДОЛГАЧЕВА

Михаил
Театр
и Новая
опера